

18+

Иброхим Рахматов

ЛИМИНА

Иброхим Рахматов

Лимина

«Издательские решения»

Рахматов И.

Лимина / И. Рахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675249-8

Иногда достаточно лишь одного шага — чтобы перейти границу между реальностью и тем, что скрыто за её зеркальной поверхностью... Но кто стоит по ту сторону отражения? Где заканчивается иллюзия и начинается нечто большее? И можно ли закрыть то, что уже однажды было открыто?.. «LIMINA» — это многослойная история на стыке психологии, паранормального и философии. Где каждая грань ритуала — лишь отражение чего-то более глубокого...

ISBN 978-5-00-675249-8

© Рахматов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лимина

Иброхим Рахматов

© Иброхим Рахматов, 2025

ISBN 978-5-0067-5249-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Переходные фазы

– Мы позвали вас сюда не зря!

– Католик, иудей, синтоист, и даже зороастриец... А теперь ещё и я? Это же полный абсурд.

– Они – всего лишь надежда на чудо. А вы способны объяснить всё с точки зрения науки, раскрыть детали, которые ускользнули от всех.

– Но я не экзорцист!

– Вы – метафизик!

– Формально – нет.

Старая обсерватория в Токио, подземная лаборатория, в последний раз использовавшаяся в 1948 году, снова принимала гостей. Сегодня здесь собрались четверо. После короткого разговора дверь коридора, освещённого светодиодными лампами, открылась, и двое вошли в лабораторию.

Внутри уже находились представители четырёх религий, практикующие экзорцизм. Они сидели в молчаливой концентрации вокруг круглого диска, каждый в своей позе, погружённый в молитву. Вошедшие тоже заняли места у другого края круга. Один из них заговорил:

– По вашей просьбе мы подготовили лабораторию – освещение и прочее. Думаю, условий достаточно для проведения ритуала.

– Достаточно, чтобы даже не распознать, кто сидит напротив, – тут же вставил второй.

– Разрешите представить: господин Шамсиддин, член Академии наук Турана, Узбекистан. Он попытается взглянуть на происходящее с научной точки зрения.

Ответа не последовало. Все были сосредоточены на ритуалах.

Шамсиддин, слегка смущённый представлением, наблюдал за участниками у круга. Он уже безошибочно определил католического экзорциста. С любопытством стал рассматривать остальных. Внезапно один из них, сидевший прямо напротив, дважды хлопнул в ладоши.

«Синтоист,» – отметил Шамсиддин про себя.

Осталось двое. Они сидели друг напротив друга. Один, справа от Шамсиддина, что-то тихо бормотал. Второй – с закрытыми глазами, в полном молчании.

«Что ты там шепчешь?.. Ну-ка... чуть громче...»

В полумраке сосредоточиться на слухе было проще. Едва уловимыми словами доносилась молитва. Шамсиддин, обладая достаточными историко-религиозными знаниями, попытался повторить услышанное:

– Azi drafso darení Anhra-Mainyu. Aena o razig rah fradaram...

«Это... что значит?.. Верный слуга Ахримана. Призываю его через невидимый проход?..»

Аура, возникающая в комнате, становилась всё более зловещей. Различные религиозные ритуалы, переплетаясь, создавали гнетущую, искажённую атмосферу.

Шамсиддин пришёл не один – его сопровождал Ючи Айзава, ответственный сотрудник этой самой обсерватории. Именно он, по специальному поручению, собрал здесь экзорцистов. Не теряя времени, Ючи начал говорить:

– Прежде всего, выражаю искреннюю благодарность каждому из вас за то, что нашли время и прибыли сюда. Сегодня, вопреки традиции, мы уделим внимание и мнению представителя науки, который находится среди нас. Убедительно прошу не воспринимать это как неуважение к вашей вере или обрядам. Его присутствие продиктовано исключительно стремлением к универсальному подходу и поиску более целостного понимания ситуации. Ваши мысли и рассуждения одинаково ценны для нас.

Он повернулся к Шамсиддину:

– Теперь, позвольте, я покажу вам то, что вы должны увидеть. Пройдёмте со мной – к мальчику, что сидит чуть поодаль от круга.

– Конечно, без проблем, господин Айзава.

Они подошли к подростку, сидевшему на простой скамье. Мальчик словно застыл, его взгляд был устремлён в одну точку. Понаблюдав за ним с минуту, Шамсиддин не увидел смысла в дальнейших попытках «читать» его состояние. Он отвёл взгляд и обратился к Ючи:

– Что говорят эти... экзорцисты?

– Они утверждают, что мальчик сейчас находится в астральной проекции. Его душа, по их словам, похищена. Простите за столь «фантастическое» описание, я понимаю, что подобное может быть неудобно слышать человеку науки.

– Ничего страшного, – спокойно ответил Шамсиддин.

Он на мгновение задумался, затем повернулся к Ючи:

– Простите за прямоту, но если медики Токио не смогли ему помочь и теперь вы передали его в руки тех, кто оперирует ритуалами, то боюсь, я здесь лишний.

– Я вас понимаю... Но дело в том, что речь идёт о душе, застрявшей в астральном мире. Представители четырёх религий не в силах вернуть её. Но, возможно, вы, используя научный подход, сумеете восстановить связь между телом и духом?

– Мне тоже ритуал провести, что ли? – усмехнулся Шамсиддин. – Шучу, господин Айзава. Не воспринимайте всерьёз. Разумеется, я постараюсь выполнить вашу просьбу. Пойдёмте, вернёмся к кругу.

Когда они вернулись к кругу, Шамсиддин не сел, а остался стоять. Он решил говорить, глядя всем в глаза.

– Впервые работаю в таком формате. Если я тоже начну ритуалы – беда будет тому мальчику...

После этих слов все взгляды невольно обратились к нему.

– Я не собираюсь оценивать ваши обряды с научной точки зрения. Главное здесь – мальчик, сидящий на скамье. Обещаю сосредоточиться именно на нём... Прошу вас, господин Айзава, включите свет немного ярче.

Несмотря на искренность и обеспокоенность в его голосе, со стороны казалось, будто он говорит с сарказмом, почти как насмешник. Особенно для тех, кто сидел здесь, – монахов, посвящённых своей вере.

Иудей мог выслушать зороастрийца, католик мог смириться с синтоистом, но слова Шамсиддина звучали, как будто зачитываются обвинения средневековой инквизиции.

Айзава, казалось, чувствовал это сильнее всех – он нервно опускал голову после каждой фразы Шамсиддина.

По его жесту свет стал немного ярче.

Вдруг молчание нарушил иудейский раввин. Его голос был мягким, но в словах ощущалась настороженность:

– Один вопрос не даёт мне покоя, прошу простить за прямоту... Я не радикальный верующий, но здесь речь идёт о душе. А вы, простите, судя по всему – человек науки. Как мы можем обсуждать веру с вами?

Опять наступила тишина.

Шамсиддин поднял голову и посмотрел раввину прямо в глаза. Его голос не был громким, но каждое слово звучало уверенно и чётко, словно чеканилось:

– Я объясню. Я – не атеист.

Пауза.

– Я – мусульманин.

Последние слова прозвучали в воздухе, словно удар молота.

Все в комнате – католик, зороастриец, синтоист и иудей – одновременно уставились на Шамсиддина. В их взглядах читались удивление, недоверие... и, на мгновение, нечто большее. Сомнение – не к нему, а к самим себе.

Шамсиддин молчал. Перед тем как продолжить, он намеренно сделал паузу – свою, особую. Его взгляд прошёлся по каждому лицу, словно пытаясь заглянуть глубже. Затем он мягко улыбнулся – прямо смотря на монаха-синтоиста.

Впервые за всё время синтоист заговорил. В его голосе не было ни раздражения, ни пафоса – лишь неподдельный интерес:

– Если вы мусульманин, почему вы здесь не как пятый представитель религии?

Шамсиддин усмехнулся. Его улыбка теперь раскрылась полностью – в ней сплелись ирония, твёрдость... и, будто бы, обещание надежды:

– Всё очень просто. Ислам не участвует в подобного рода фарсе. Поэтому я здесь не от имени религии, а с позиции науки.

В комнате вновь воцарилась гнетущая тишина. Но она была уже иной.

Теперь взгляды монахов изменились. Они больше не были настороженными. Скорее, они начали вслушиваться. И, возможно, в этот момент они впервые перестали видеть в Шамсиддине чужака – и увидели в нём духовного соперника. Или, быть может... союзника.

*****

Вечером в аудитории царил лёгкая суэта. Большинство студентов выглядели уставшими после занятий, но лекции Шамсиддина были другими – здесь царили диалог, споры и даже внутренние потрясения. Сегодняшний вечер не стал исключением.

Преподаватель стоял перед аудиторией и, как всегда, задал простой, но тяжёлый вопрос:

– Ну что ж, есть вопросы?

Из заднего ряда донёсся не совсем уверенный, но достаточно смелый голос:

– Вы верите в загробную жизнь?

Шамсиддин на мгновение замолчал. Этот вопрос, казалось, задел что-то внутри него. Он посмотрел в зал – почти все студенты внимательно следили за его реакцией. Это был не просто вопрос. Это было – начало поединка.

Он слегка улыбнулся:

– Вопрос посредственный... – произнёс он мягким голосом. – Но один из самых необходимых.

Сделав несколько шагов, он приблизился к центру аудитории. Его взгляд упал на девушку у окна – она смотрела на него с выражением немомого вопроса. Он обратился к ней:

– А вы? Верите?

Девушка чуть замаялась, потом кивнула:

– Верю.

Шамсиддин наклонил голову:

– Я тоже.

В этих двух словах не было ни навязывания, ни призыва – только внутренняя убеждённость, произнесённая с осторожной интонацией.

Но вдруг заговорил другой студент – знакомое лицо, всегда выступающий с оппозиционной позицией:

– То, что вы так говорите, разве не значит, что вы не секулярен?

В аудитории повисла лёгкая напряжённость. Слово «секулярен» прозвучало тяжело, почти обвиняюще.

Шамсиддин улыбнулся и, пожав плечами, ответил дружелюбно:

– Возможно, так и есть. Кто знает?

Но студент не отступал:

– Но вы ведь сами защищаете секуляризм. Это же предполагает, что вы не верите ни в одну религию или идею...

Шамсиддин выпрямился, в лице появилось лёгкое напряжение:

– Секуляризм – это не значит «ни во что не верить». Это значит, что государственные и общественные институты не должны быть связаны с какой-либо религией. Это – независимость.

Студент усмехнулся:

– Тогда почему вы называете себя светским человеком, но при этом говорите, что верите в Аллаха?

Шамсиддин достал из кармана маленькую карточку – но не стал играть с ней в руках. Он прямо посмотрел в глаза студенту:

– Я сторонник светского общества. А светское общество уважает все вероисповедания. Я не навязываю свою веру другим. Теперь я задам вопрос вам: обязан ли светский человек вообще ни во что не верить?

По аудитории прошёл ропот. Вопрос поднялся на новый уровень.

В пронзающей тишине Шамсиддин снова заговорил:

– Я хочу попросить вас кое о чём. Какие вопросы мы сегодня забыли задать?

Не о секуляризме... А о человечности. О поиске себя. О личной ответственности.

Он вновь повернулся к студенту, задавшему вопрос:

– Сейчас вы как будто берёте меня на допрос. Может, поднимитесь и займёте это место? Скажите, что именно вы ищете в своих вопросах?

С лёгкой улыбкой он указал рукой на студента и пригласил его выйти к кафедре.

– Уважаемый студент, пожалуйста, продолжите эту серию вопросов. Кстати, атеисты обычно в этом хороши, – добавил он с тёплой иронией. – Шутка, конечно!

– Хорошо... кхм-кхм, – прочистил горло студент. – Скажите, вы когда-нибудь задумывались, почему именно ислам?

– Да. Это вопрос, который я должен был задать самому себе.

– И? Почему именно ислам? Остальные религии хуже?

– Немного провокационный вопрос... но ладно, студенту позволительно. Даже если бы я был приверженцем другой веры, после изучения всех религий я бы всё равно выбрал ислам.

– Почему? Что, религия передаётся генетически от родителей?

– Во-первых, нет. А во-вторых, мой ответ на ваш вопрос заканчивается именно здесь.

По залу прошёл шум – студенты загалдели: «Почему? Что это значит?»

– Если вы не собирались отвечать до конца, зачем тогда вызывали меня на кафедру?! Можно было просто сказать – не задавайте таких вопросов!

– В этом и есть весь секуляризм! – с улыбкой сказал Шамсиддин. – Никто не имеет права запрещать тебе задавать вопросы. Именно секуляризм дал тебе возможность выйти на эту трибуну.

И точно так же – я, сейчас стоя здесь, не имею права объяснять, почему я выбрал свою религию так, чтобы кто-то из вас усомнился в своей.

Секуляризм этого не позволит. Понимаешь?

Раздался звонок на перерыв.

– Думаю, пора всем нам покинуть кафедру секуляризма и вернуться в свою личную жизнь.

До встречи! На следующую лекцию принесите побольше вопросов!

Обычно после занятий в аудитории Шамсиддин возвращался домой, чтобы немного отдохнуть. Он не был из тех мужчин, что «привязаны» к дому. Но для дневного сна – дом был идеальным.

Каждый день он проводил около двух часов, дремая на диване на кухне. А потом – прогулка. Иногда по улице. Иногда он просто сидел в саду, глядя на поток под тенью дерева. Но когда наступал вечер – он шел не в библиотеку. Он шел в *кафе с библиотекой*.

Не в библиотеку!

Потому что библиотеки – слишком тихие.

Потому что в библиотеке всё слишком... стерильно. Там каждый шаг под наблюдением, и это начинало раздражать. А эта тишина?.. В ней легче уснуть, чем читать.

В кафе же можно было спокойно поставить чашку кофе на колени и перелистывать страницы книг под живой фон:

– Готов капучино? – доносится голос официантки.

Где-то сбоку – смеются две подруги.

Это и была сама жизнь.

Для Шамсиддина именно этот баланс – между тишиной мысли и шумом реальности – был лучшим фоном для глубокого чтения.

Чаще всего он занимал один и тот же угол. Тот самый – у окна, под старым стеллажом с забытыми учебниками по грамматике, к которым никто никогда не прикасался. Только один светильник освещал это место – тёплым, чуть желтоватым светом. Именно здесь он читал книги на самые разные темы.

Он никогда не заикливался на одной области – всё, что вызывало интерес, могло стать его вечерним чтением. Но если попадалась размытая гипотеза или спорный факт, он копал до самого основания. Например, когда однажды он прочёл, что первую регулярную армию в истории создал Саргон I, – он не ограничился статьёй. Он добрался до музеев в Ираке и выяснил: откуда вообще известно, что это сделал именно Саргон? Ведь надписи того времени далеко не полные, и вряд ли сам Саргон оставил где-то чёткое «я первый это сделал»...

Сегодня в кафе с библиотекой тоже витал аромат горьковатого, горячего кофе. За барной стойкой, как всегда, стоял Диёр – в наушниках, погружённый в тихую фоновую музыку, он готовил свежий фильтр-кофе.

А Шамсиддин, сидя в своём углу под полкой с грамматикой, вновь гнался за очередным неполным фактом.

Но на этот раз его взгляд скользнул дальше – туда, где бариста в чёрной шапке, слегка набекрень, возился у стойки.

Он медленно подошёл.

– Диёр, знаешь, на тех камнях есть строки, которые можно увидеть только при восходе солнца. Именно поэтому в музее читают их только на рассвете.

(Конечно, это была шутка.)

Диёр посмотрел на него с любопытством. Улыбка на его лице была доброй, без тени иронии:

– Правда? Значит, теперь всему, что увидим на рассвете, нужно верить, да, Шамсиддин-ака?

– Нет. Чтобы не верить – нужно читать. И перечитывать. Всё – ту же строчку, то же слово. Диёр задумался на мгновение. Затем придвинул к нему стакан с кофе:

– Вот. Двойной эспрессо. Смотрите, не усните.

А в следующий раз я докажу вам, что умею анализировать, какие слова используются в каких статьях.

Шамсиддин усмехнулся:

– Какие статьи?

Диёр достал из-под стойки два тома научных журналов:

– Археология и историческая источниковедческая база. Некоторые переведены на другие языки. Я их уже прочитал... Было время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.